

нами анализа. Нетрудно заметить, что ключевым элементом наблюдений, исходным материалом для дальнейших рассуждений и выводов в большинстве случаев служит *звучание* нотного текста композитора. Отмеченные нами особенности, безусловно, должны находить подтверждение и отражаются в нотной записи, но отправной точкой, позволяющей их уловить и обнаружить, является не столько письменная форма первоисточника, сколько звучание музыкального материала. Так как подобного рода анализ базируется на исполнительском слышании нотного текста, это дает основания называть его исполнительским анализом. Способ фиксации произведения музыкального искусства – партитура, нотная запись – определяет специфическую роль музыканта-исполнителя, необходимого посредника между

текстом композитора и слушателем. Но музыка все же остается *искусством звука*. И в данном контексте правомерность указанного подхода, весомость аргументации, которая зиждется не только на графической, но и на звуковой реализации авторской идеи, представляется вытекающей из самой сути музыкального искусства.

Хочется верить, что предпринятая нами попытка раскрыть поразительную красоту творения И. С. Баха поможет немного приблизиться к пониманию его сложного и многозначного музыкального языка. Как сказал выдающийся ученый, крупнейший исследователь наследия композитора, «мы будем считать цель полностью достигнутой, если только наши наблюдения и выводы поведут к размышлению и творческим исканиям» [3, с. 276].

Литература

1. Георгиевская О. В. Некоторые замечания к работе над фортепианными сочинениями В. А. Моцарта // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 39. – С. 180–185.
2. Рахманинов С. В. Связь музыки с народным творчеством // Литературное наследие. – М.: Советский композитор, 1978. – С. 70–76. – Т. 1.
3. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. – М.: Классика–XXI, 2004. – 816 с.

References

1. Georgievskaya O.V. Nekotorye zamechaniya k rabote nad fortepiannymi sochineniyami V.A. Motsarta [Some Words on the Work on Mozart's Piano Pieces]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2017, no. 39, pp. 180-185. (In Russ.).
2. Rakhmaninov S.V. Svyaz' muzyki s narodnym tvorchestvom [Connection between Music and Folk Culture]. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. Moscow, Sovetskiy Kompozitor Publ., 1978, vol. 1, pp. 70-76. (In Russ.).
3. Shveytser A. *Iogann Sebast'yan Bakh* [Johann Sebastian Bach]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2004. 816 p. (In Russ.).

УДК 78.03(470-571)

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РОТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ КУЗНЕЦКОГО И МАРИИНСКОГО УЕЗДОВ

Поморцева Нина Владимировна, кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: musiclogist@mail.ru

Статья посвящена анализу историко-культурных процессов, протекавших в русле формирования музыкальной жизни Кузнецкого и Мариинского уездов (будущих территорий современной Кемеровской области). Выявив определенные закономерности условий развития музыкального быта уездов, автор посчитал целесообразным проследить влияние на развитие музыкальной жизни принципа ротации (принципа взаимодействия центра и периферии, введенного в научную терминологию М. Н. Дрожжиной и И. П. Козловской). В данном исследовании действия универсального принципа

ротации расширены за счет границ понимания категории «центр». В роли условного центра выступает не только столичный или губернский город, но и центральные (европейские) районы России по отношению к отдаленному сибирскому региону, поскольку весь жизненный уклад здесь (как и во всей Сибири) изначально складывался в результате переноса традиций из европейской части. Для полноценного анализа этих явлений за основу были взяты три уровня принципа ротации, под которыми понимаются собственно ротация (кадровая ротация), репертуарная ротация (диффузия) и смешанный тип (ротационная диффузия).

В контексте исторических условий формирования и развития музыкальной жизни обозначенных уездных территорий автор статьи уделяет внимание проявлению уровней смешанной ротации (музыкальные традиции переселенцев из центральных регионов Российской империи, Украины и Белоруссии, а также ссыльных военнопленных шведов и поляков), репертуарной ротации (репертуар приезжих гастролеров, песни приисковиков, репертуар технических новинок – герофона и фонографа) и кадровой ротации (деятельность приехавших в регион отдельных личностей).

Автор резюмирует, что, несмотря на любительский уровень развития музыкальной жизни Кузнецкого и Мариинского уездов на дореволюционном этапе, на указанных территориях сформировалась благодатная почва для дальнейшего расцвета музыкального искусства уже в последующие советскую и постсоветскую эпохи.

Ключевые слова: диффузия, кадровая ротация, музыкальная жизнь, переселенцы, репертуар, репертуарная ротация, ротационная диффузия, ротация, традиции.

MANIFESTATION OF THE PRINCIPLE OF ROTATION IN SHAPING THE MUSICAL LIFE OF KUZNETSK AND MARIINSK COUNTIES

Pomortseva Nina Vladimirovna, PhD of Art History, Department Chair of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: musicologist@mail.ru

The article is devoted to analysis of the historical and cultural processes underway in line with the formation of the musical life of Kuznetsk and Mariinsk Counties (the future territories of modern Kemerovo Region). Identifying the certain regularities of the development of musical life conditions of the counties, the author considered useful to trace the influence on the development of the musical life of the rotation principle (the principle of interaction between the centre and the periphery, entered in scientific terminology by Marina Drozhzhina and Irina Kozlovskaya). In this study, the actions of the universal principle of rotation, enhanced by the boundaries of understanding the “Center” category. In the role of conditional, “Centre” serves not only the capital of the province or city and Central (European) Russia towards a remote Siberian region, since all life here (and throughout Siberia) was originally formed in migration traditions of the European part. A full analysis of these phenomena is based on three levels of the rotation principle, which refers to the actual rotation (rotation of personnel), the chorus has various repertoire rotation (diffusion) and mixed type (rotational diffusion).

In the context of the historical conditions for the formation and development of musical life in designated County territories, the author pays attention to the emergence of mixed levels of rotation (the musical traditions of immigrants from the central regions of the Russian Empire, Ukraine and Belarus, as well as exiles, POWs of Swedes and Poles), repertoire rotation (repertoire of barnstormers, songs of gold-diggers, repertoire of technical innovations like a gerofon and phonograph) and personnel rotation (activities in the region of individuals).

The author concludes that, despite the amateur level of the development of musical life in Kuznetsk and Mariinsk Counties on pre-revolutionary stage, these territories formed a fertile ground for further flourishing the art of music already in subsequent Soviet and post-Soviet era.

Keywords: diffusion, displaced persons, personnel rotation, musical life, repertoire, repertoire’s rotation, rotational diffusion, rotation, tradition.

Российская провинция всегда играла существенную роль в отечественном музыкальном искусстве. На протяжении многих столетий здесь активно и самобытно развивались различные виды творчества, поэтому изучение музыкальной жизни провинциальных регионов в современных исследованиях ученых возводится в разряд актуальных проблем, открывает новые грани ее истории, позволяет спрогнозировать перспективы ее развития в контексте современного отечественного музыкального искусства.

Кемеровская область, несмотря на свой молодой статус (75 лет), имеет богатое историческое прошлое и является важным звеном в панораме российской культуры. На ее территории еще на дореволюционном этапе сформировалась благодатная почва для дальнейшего развития традиций в художественной культуре. Заметим, что этот период связан с историко-культурными традициями Кузнецкого и Мариинского уездов Томской губернии.

Известно, что освоение и массовое заселение будущего региона происходило в XVII–XVIII веках служилыми людьми, преимущественно из восточных районов Русского Севера и Поволжья. Переселенцы несли с собой обычаи, праздники и другие культурные традиции русского народа. Указанное обстоятельство во многом обусловило характер музыкальной жизни, включенной в быт русских переселенцев, а затем и политических ссыльных из европейской части Российской империи.

Рассматривая музыкальную жизнь как деятельностный, динамичный элемент музыкальной действительности [22, с. 5], представляется целесообразным использовать введенное в научный обиход М. Н. Дрожжиной и И. П. Козловской понятие «ротация» [6, с. 111], отражающее принцип взаимодействия центра и периферии.

Анализ процессов становления дореволюционной музыкальной жизни в Кузнецком и Мариинском уездах показал, что действие принципа ротации наглядно проявилось практически во всех ее сферах. В первую очередь отметим его наиболее массовое действие, связанное с процессом переселения, когда приезжие из европейской части страны привозили обрядовые и народно-песенные традиции своих регионов: Пермской, Вятской, Вологодской, Казанской и Уфимской

губерний Российской империи, а также Украины и Белоруссии. Именно для музыкального народного творчества существует необходимость расширения границ в понимании категории «центр», представленный в данном случае центральными губерниями России.

Исходя из обозначенных М. Н. Дрожжиной и И. П. Козловской трех уровней принципа ротации (собственно ротация, или кадровая ротация; репертуарная ротация, или диффузия; смешанный тип – ротационная диффузия), охарактеризуем особенности его проявления в контексте переселенческих процессов.

Переселенцы селились компактно, часто объединялись по национальному признаку – русские, белорусы, украинцы, поляки и представители других национальностей. В часы досуга они собирались в тесном кругу, где звучали национальные песни, устраивались торжественные праздники, читались православные или католические молитвы с хоровым сопровождением известных церковных песнопений [8]. В жизненном обиходе переселенцев не потеряли своего значения традиционные праздники, отмечаемые в центральной части Российской империи. Как известно, русский праздник не обходился без музыкального сопровождения.

Определяя данную ротацию как ротационную диффузию, то есть смешанную (объединяющую в себе кадровую и репертуарную ротации), мы подразумеваем расширение данного смысла, поскольку в теории ротации авторы говорят о гастрольной деятельности профессиональных исполнителей, с их кратковременным участием в музыкальной жизни провинции. В нашем случае (переселение на периферию) возникает бессрочная ротационная диффузия, поскольку в переселенческих традициях ротации подвергается устное народное музыкальное творчество, которое, по мнению В. Г. Богомоловой, представляет собой региональную форму воплощения общерусского инварианта [1, с. 6]. В этой связи можно говорить не о переносе репертуара (как обозначено у авторов теории ротации), а о миграции традиций.

Так, в музыкальном оформлении праздников Кузнецкого и Мариинского уездов просматриваются традиции, привнесенные переселенцами. В городах и в деревнях справляли праздники и

пели песни, популярные в европейской части страны. Согласно мнению исследователей фольклора, танцы и песни, привезенные с Украины, из Белоруссии и разных уголков России, в процессе общения транслировались среди молодого поколения, запоминались и обогащались новыми интонациями, фактурными гармоническими особенностями, приобретая тем самым новые черты (см. [1, с. 8]). Из бытовавших песен можно привести такие примеры, как «Стой, мил хоровод», «Целовальная», «Уж как по мосту-мосточку» (русские), «Ой, Васылю-Васыленько», «Кышыкыш», «Забавлянки» (украинские), «Дубочек зелененкий», «Косиу Ваня конюшину» (белорусские) [3, с. 56, 61]. В числе многоголосных песен, бытовавших в Кузнецком уезде, можно назвать «Ах вы, сени, мои сени», «Во кузнице», «Барыня», «Камаринская», «Казачок», «Вдоль по Питерской», а также солдатские песни, как, например, «Солдатушки, бравы ребятушки», «Черный ворон», «Сон Стеньки Разина» и др. [4, с. 76–78].

Помимо народных песен, в быту вне церковной службы существовали и христианские гимны, «аккумулирующие в себе музыкально-стилистические черты, присущие как народной, так и церковной певческим традициям» [3, с. 110]. Например, большинство рождественских обходов сопровождалось пением местных версий тропаря «Рождество твое, Христе Боже наш» и различных духовных стихов [3, с. 110]. Помимо этого исполнялись и духовные стихи-рацеи (местное название – божественная колядка-стих), описывающие сцену поклонения волхвов Божией Матери и младенцу Иисусу. Например, «Там Иисус Христос стоит» или «Добрый вечер, паны, господа» [3, с. 58].

Однако музыкальный быт уездов не ограничивался праздниками. В быту городского населения отчетливо просматривается действие принципа репертуарной ротации, или диффузии, направленной на постоянное обновление звукового тезауруса провинции.

Обновлению способствовал в том числе интерес интеллигенции к новинкам технического прогресса в области музыкального искусства, таким как герофон (музыкальный инструмент, принадлежащий к типу ручных органчиков), транслировавший «Мазурку», «Марш Радецкого»,

песенку «Мой милый Августин» и др. [4, с. 80] и фонограф, на котором были записаны популярные в столице арии из оперы «Демон» А. Рубинштейна, «Смейся, паяц» из оперы «Паяцы» Р. Леонкавалло, а также романсы А. Варламова и др. [4, с. 80]. Заметим и то, что на праздничных вечерах элиты звучали те же самые сочинения, что и в столицах: «Хазбулат удалой», «Очи черные», «Цыганка гадала» и классический репертуар – «Буря мглою...», «Скажи мне, ветка Палестины», «Я помню чудное мгновенье» [4, с. 65]. Следовательно, несмотря на отдаленность Кузнецкого уезда от европейской части, в нем бытовали те же мелодии, что и в столице России.

К рубежу XIX–XX веков культурная жизнь уезда, благодаря деятельности меценатов и просветителей, значительно преобразилась. Соответственно возрастают и предпосылки к академическому музыкальному исполнительству. Так, в региональной сибирской прессе периодически сообщается о культурной деятельности жителей Кузнецкого и Мариинского уездов: о постановках спектаклей, благотворительных концертах [13; 14; 15; 19], вокально-музыкальных вечерах [16; 17; 19; 20]. О том, что репертуар «шел в ногу со временем», можно судить по публикации в газете «Сибирский вестник» (1899) [17], рассказывающей о праздновании в уездном училище столетия со дня рождения А. С. Пушкина, устроенном под руководством смотрителя и преподавателя Кузнецкого уездного училища И. С. Шункова. В рамках данного мероприятия была исполнена «Торжественная кантата к столетию А. С. Пушкина» А. К. Глазунова для солистов, хора и оркестра на слова К. Р. (1899), опубликованная в журнале «Русское богатство». Данный факт служит ярким подтверждением весьма оперативной репертуарной ротации (диффузии): в сибирской глубинке звучит произведение, фактически накануне созданное в столице.

В уездных городах, как правило, в домах аристократов и уездном училище Кузнецка, осуществлялись музыкально-театральные любительские постановки, на которых исполнялись водевили, музыкальные спектакли местной интеллигенции и приезжих артистов. Например, в 1897 году состоялись постановки «Вава» (музыкальная постановка на сюжет Г. де Мопассана «Иветта») и

музыкальной комедии М. Балуцкого «Клуб холостяков» (постановки артистами Томского музыкального театра) [15], а в 1898 году – премьеры «веселой оперетты малороссов “Запорожец за Дунаем”» и водевиля «Бувальщина» [16].

Следовательно, благодаря деятельности гастролеров осуществлялись репертуарная ротация и ротационная диффузия, которые не только обогащали музыкальный тезаурус провинциального региона Сибири, но и побуждали горожан к творческому и культурному саморазвитию.

Таким образом, можно утверждать, что репертуарная ротация, или диффузия, способствовала обогащению музыкального тезауруса и постепенному развитию музыкального академического искусства в Кузнецком и Мариинском уездах. Это формировало заинтересованность горожан в своем музыкальном творчестве, в любительских объединениях хоров и оркестров, в организации сцен на заводах, при народных домах и учебных заведениях, побуждало жителей тянуться к современным образцам. Так, в заметке «Сибирского вестника» сообщается, что в помещении Общественного собрания был проведен вокально-музыкальный вечер, устроенный старшим врачом Кузнецкого лазарета Г. В. Казанским, в котором выступили 11 любителей поэзии, музыки и пения [20].

Также в одном из номеров газеты «Сибирский вестник» мы узнаем о присланном из Оренбурга управителе завода, горном инженере, страстном меломане Н. П. Лифлянде и его супруге М. Н. Лифлянд. Их усилиями в мастерской на одном из заводов в поселке Гурьевский Кузнецкого уезда была устроена сцена, где исполнялись любительские спектакли и хоровые концерты. Хором руководил сам инженер, а спектакли осуществлялись под руководством М. Н. Лифлянд [18]. Приведенный пример демонстрирует специфичность проявления принципа кадровой ротации: творческая личность была направлена в регион не с целью организации музыкально-культурной жизни, а для технического обеспечения деятельности заводов и приисков.

Еще одно важное проявление действия кадровой ротации в музыкальной жизни региона можно увидеть в деятельности священников, приехавших, как правило, по направлению еписко-

па из духовных училищ и семинарий. Чаще всего это были учебные заведения европейской части страны (Арзамас, Казань, Пермь, Рязань), реже – Сибири (Тобольск, Томск). Выполняя свою задачу по духовному просвещению и приобщению к православию сибирского населения, они несли в музыкальную жизнь традиции богослужебных песнопений.

Значимую роль в музыкальном просвещении жителей Кузнецкого уезда сыграл учитель Закона Божиего в уездном училище и настоятель Богородице-Одигитриевской церкви Евгений Исаакович Тюменцев (выпускник Тобольской духовной семинарии), вошедший в историю Кузнецкого уезда как организатор первого хора, участвовавшего в основном в богослужебных таинствах. С конца 60-х годов XIX столетия священник Богородице-Одигитриевской церкви преподавал Закон Божий в Кузнецком уездном училище, а также в мужской и женской приходских гимназиях. На добровольных началах он пригласил учеников уездного училища для занятий по церковному пению, на которых обучал их музыкальной грамоте и пению многоголосных хоровых партитур, тем самым осуществляя репертуарную ротацию, или диффузию. Позднее Тюменцев при церкви организовал из выпускников училища хоровой коллектив, участвующий во всех церковных службах и «привлекающий постоянно в храм Божий не только всех прихожан своих, но и жителей других приходов» [2, д. 226]. После ухода из жизни Е. И. Тюменцева эту традицию продолжил Виссарион Тихонович Минераллов, следующий настоятель Богородице-Одигитриевской церкви и учитель Закона Божиего в Кузнецком училище.

Другие значимые проявления принципа ротации в музыкальной жизни региона связаны с появлением в нем лиц, знакомых с музыкальными инструментами: ссыльных – шведов, поляков, внедрявших в быт новые музыкально-культурные традиции; присковиков, транслировавших бытовавшие в городах европейской части песни и романсы, инструментальные пьесы, способствовавших появлению аудиотранслирующих устройств; военных, привозивших с собой музыкантов, музыкальные инструменты, необходимые для существования военного оркестра.

Среди первых ссыльных военнопленных Сибири была группа плененных солдат регулярной шведской армии Карла XII (конец первого десятилетия XVIII века). По данным историков-краеведов, в Кузнецкий уезд было направлено 500 человек, которые жили в сибирских поселениях наравне с русскими и несли свои культурные традиции в сложившийся быт переселенцев [7, с. 46]. Спектр занятий военнопленных в сибирской ссылке был довольно широк. Были среди них: художники, ювелиры, сапожники, музыканты, портные, аптекари, врачи, учителя и гувернеры. Они привнесли в сибирское общество новые профессиональные навыки и специальности (см. [11]). Некоторые шведы привезли с собой музыкальные инструменты и частным образом обучали местных детей и взрослых музыкальной грамоте и исполнительскому искусству (см. [9]). Возможно, знания по изготовлению музыкальных инструментов (струнно-смычковые и струнно-щипковые инструменты, гармонь) местные искусные краснодеревщики приобрели также от них и впоследствии передавали свои навыки из поколения в поколение. Есть данные о существовании в Кузнецке искусных мастеров, изготавливавших в начале XX века скрипки, балалайки (Лебедев, М. С. Понькин) и гармони (А. А. Бедарьков) [10, с. 75].

Большой вклад в становление музыкальной жизни внесли и ссыльные, участвовавшие в польском восстании 1863 года. Как и шведы, поляки привезли с собой музыкальные инструменты, на которых исполняли европейские произведения. Из воспоминаний В. Ф. Булгакова [4] мы узнаем о пожилой ссыльной полячке Радзиминской (инициалы неизвестны). Попав в Кузнецк вместе с колонией в 1863 году, она исполняла на рояле ноктюрны, баллады, мазурки и вальсы, звуки которых доносились из открытых окон ее дома.

О присутствии в музыкальной жизни кузнецчан частного обучения фортепианному исполнительству, о музицировании на этом инструменте, украшающем любительские концерты, мы находим подтверждение в прессе. Согласно статистике, приведенной корреспондентом, за два-три года в Кузнецке количество роялей увеличилось с двух до двенадцати, и у местного населения появилось

желание обучаться игре на инструменте, что обусловило появление двух учительниц-пианисток, которые не только обучали учащихся, но и инициировали проведение любительских концертов, музыкальных вечеров [5; 20].

Таким образом, мы приходим к выводу, что музыка в Кузнецком и Мариинском уездах сопровождала жизнь приезжих крестьян, казаков, ссыльных в виде любительского музицирования, преимущественно фольклорной направленности. Светское бытовое музицирование практиковалось в среде провинциальной интеллигенции. На рубеже XIX–XX веков стали образовываться военные оркестры, игравшие большую роль в музыкальном быту уездов, принимавшие активное участие в городских мероприятиях. В этот же период начинают формироваться истоки музыкального образования: увеличивается количество музыкальных инструментов (которые нередко закупали для учебных заведений за счет средств благотворительных концертов [5; 14; 17], приезжают новые творческие личности, в том числе гастролеры и мелкие предприниматели, привозя с собой отличный песенный репертуар и звуковоспроизводящую технику.

В музыкальной жизни наглядно проявляется действие принципа ротации во всех его видах: от перенесения народно-песенного репертуара переселенцами из Украины, Белоруссии и других районов России до расширения музыкального тезауруса региона образцами академической музыки (музыкальные произведения европейских и отечественных композиторов, городские песни и романсы). Проявление этого принципа является неполным, так как в ротационных процессах регион выступает исключительно принимающей стороной. Постепенное развитие академического музыкального искусства привело к появлению первых ярких академических коллективов в будущем индустриальном регионе. Так, в 1905–1906 годах были построены народные дома в Кузнецке, Мариинске и на Анжерском руднике, при которых были организованы кружки – драматический, изобразительного искусства и любительского хорового исполнительства. В Кузнецке действовали духовой оркестр местной воинской команды под управлением П. Г. Шукшина, любительский хор

под управлением П. Пятаковича, в Мариинске – любительский хор под управлением А. Ф. Беспамятовой [12].

Особенно наглядно признаки ротации проявляются в виде творческих индивидуальностей, на длительный срок включившихся в музыкальную жизнь уездов. К ним можно отнести супругов Н. П. и М. Н. Лифляндов, Е. И. Тюменцева, В. Т. Минераллова, П. Пятаковича и А. Ф. Беспамятову, П. Г. Шукшина и др. Осуществлению репертуарной ротации, или диффузии, а также ротационной диффузии помогал бесконечный приток гастролирующих музыкантов, приисковиков, ссыльных, которые временно включались в процесс формирования музыкальной жизни будущего индустриального региона, обновляли и обогащали звуковой тезаурус провинции. В результате в регионе звучали те же мелодии, что и в европейской части России, осуществлялись постановки музыкальных спектаклей и водевилей, организовывались музыкальные вечера и концерты, инструментальное исполнительство.

Но все же, несмотря на деятельность музыкантов-гастролеров, любительские постановки

музыкальных спектаклей и вечеров местной интеллигенции, на попытки создания оркестров, хоровых коллективов (при заводе, в церквях и народных домах), очевидна определенная музыкальная отсталость будущей Кемеровской области в сравнении с культурной жизнью других районов Томской губернии. В это же время в Новониколаевске (Новосибирск) уже существовало несколько театров, в которых выступали приезжающие труппы с разными драматическими пьесами, и временный цирк; в Томске действовал зрительный зал при бесплатной библиотеке, были сформированы томские отделения Русского музыкального общества и Всероссийского хорового общества.

И если к концу XIX века в провинциальных городах России в целом уже сложился определенный алгоритм музыкальной жизни – «от любительских форм концертной организации и обучения (кружки, общества, объединения любителей-меломанов, частные школы и классы) к открытию музыкальных учебных заведений» [22, с. 34], то на территории Кузнецкого и Мариинского уездов расцвет музыкального искусства начался только после установления советской власти.

Литература

1. Богомолова В. Г. Современное состояние песенной традиции русского населения Кемеровской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Челябинск, 2005. – 207 с.
2. Богородице-Одигитриевская церковь города Кузнецка // Гос. архив Томск. обл. – Ф. 170. – Оп. 9. – Д. 196, 226, 251, 340, 366, 428, 437, 679, 806, 846, 893, 908, 1000.
3. Бородина Е. М. Песенные традиции восточнославянского населения Кемеровской области. Певческие стили. – Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2009. – 196 с.
4. Булгаков В. Ф. В том давнем Кузнецке / предисл. и лит. обработка М. Кушниковой. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1990. – 270 с.
5. Восточное обозрение. – 1889. – № 38.
6. Дрожжина М. Н., Кошловская И. П. Принцип ротации как основа отношений центра и провинции (на примере музыкальной жизни Перми на рубеже XIX–XX веков) // История и теория культуры в вузовском образовании: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е. Н. Тазгеевой, В. А. Баранова; НГУ. – Новосибирск, 2008. – Вып. 3. – С. 100–113.
7. Кауфман Ю. Б. Шведские военнопленные в Кузнецке в первой четверти XVIII века // Кузнецкая старина / под ред. Ю. В. Ширина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2006. – Вып. 8. – С. 46–49.
8. Конохов И. С. Кузнецкая летопись / предисл., коммент. и лит. обработка М. Кушниковой, В. Тогулева. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 184 с.
9. Кушникова М. Место в памяти: Вокруг старого Кузнецка. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. – 248 с.
10. Майорова Е. В. Формы хозяйственной деятельности жителей г. Кузнецка в конце XIX – начале XX века (по воспоминаниям старожилов) // Кузнецкая крепость / под ред. Ю. В. Ширина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – Вып. 3. – С. 68–87.
11. Недоспасова А. П. Тобольский манускрипт Густава Блиндстрёма в контексте явлений инструментального искусства Швеции и России второй половины XVII – первой половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. – Новосибирск, 2012. – 23 с.

12. О пребывании в Кузнецком и Мариинском округах А. Ф. Беспамятовой и П. Пятаковича // Новокузнецк. фил. Гос. архива Кемеров. обл. – Ф. Р-137. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 3.
13. Сибирский вестник. – 1887. – № 17. – 20 янв.
14. Сибирский вестник. – 1896. – № 16.
15. Сибирский вестник. – 1897. – № 18. – 23 янв.
16. Сибирский вестник. – 1898. – № 195. – 30 авг.
17. Сибирский вестник. – 1899. – № 129.
18. Сибирский вестник. – 1899. – № 47. – 1 февр.
19. Сибирский вестник. – 1899. – № 56.
20. Сибирский вестник. – 1899. – № 94.
21. Фомин В. П. Музыкальная жизнь как проблема теоретического музыкознания: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. – М., 1977. – 22 с.
22. Юдина В. И. Музыкальная культура российской провинции (от зарождения до начала XX века): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – СПб., 2013. – 48 с.

References

1. Bogomolova V.G. *Sovremennoe sostoyanie pesennoy traditsii russkogo naseleniya Kemerovskoy oblasti: dis. kand. filol. nauk: 10.01.09 [The current state song traditions of the Russian population of the Kemerovo area. Diss. PhD in philology: 10.01.09]*. Chelyabinsk, 2005. 207 p. (In Russ.).
2. Bogoroditse-Odigitrievskaya tserkov' goroda Kuznetsk [Nativity Church Odigitrievskaya city Kuznetsk]. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State archive of Tomsk region]*, F. 170, Op. 9, D. 196, 226, 251, 340, 366, 428, 437, 679, 806, 846, 893, 908, 1000. (In Russ.).
3. Borodina E.M. *Pesennye traditsii vostochnoslavianskogo naseleniya Kemerovskoy oblasti. Pevcheskie stili [Singing traditions of the eastern population of the Kemerovo region. Singing styles]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2009. 196 p. (In Russ.).
4. Bulgakov V.F. *V tom davnem Kuznetske [In the long-running Kuznetsk]*. Preface and literary treatment of M. Kushnikova. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 270 p. (In Russ.).
5. *Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]*, 1889, no. 38. (In Russ.).
6. Drozhzhina M.N., Koshlovskaya I.P. Printsip rotatsii kak osnova otnosheniy tsentra i provintsii (na primere muzykal'noy zhizni Permi na rubezhe XIX–XX vekov) [The principle of rotation as the basis of relations of the Centre and the provinces (for example, musical life in Perm at the turn of the 19th–20th centuries)]. *Istoriya i teoriya kul'tury v vuzovskom obrazovanii: mezhvuz. sb. nauch. tr. [History and theory of culture in higher education: interuniversity collection of scientific papers]*. Ed. E.N. Tazgeeva, V.A. Baranov. Novosibirsk, NGU Publ., 2008, iss. 3, pp. 100–113. (In Russ.).
7. Kaufman Yu.B. Shvedskie voennoplennyye v Kuznetske v pervoy chetverti XVIII veka [Swedish prisoners in Kuznetsk in the first quarter of the 18th century]. *Kuznetskaya starina [Kuznetsk antiquity]*. Ed. Yu.V. Shirin. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 2006, iss. 8, pp. 46–49. (In Russ.).
8. Konyukhov I.S. *Kuznetskaya letopis' [Kuznetsk Chronicle]*. Preface, commentary and literary treatment of M. Kushnikova, V. Togulev. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1995. 184 p. (In Russ.).
9. Kushnikova M. *Mesto v pamyati: Vokrug starogo Kuznetsk [Memory location: around the old Kuznetsk]*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1993. 248 p. (In Russ.).
10. Mayorova E.V. *Formy khozyaystvennoy deyatel'nosti zhiteley g. Kuznetsk v kontse XIX – nachale XX veka (po vospominaniyam starozhilov) [Forms of economic activity of the residents of Kuznetsk in the late 19th and early 20th centuries (according to the memoirs of old-timers)]*. *Kuznetskaya krepost'*. Ed. Yu.V. Shirina. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1999, iss. 3, pp. 68–87. (In Russ.).
11. Nedospasova A.P. *Tobol'skiy manuskript Gustava Blidstrema v kontekste yavleniy instrumental'nogo iskusstva Shvetsii i Rossii vtoroy poloviny XVII – pervoy poloviny XVIII veka: avtoref. dis. kand. iskusstvovedeniya: 17.00.02 [Tobol'sk manuscript of Gustav Blidstrema in the context of the phenomena of the instrumental art of Sweden and Russia in the second half of XVII–the first half of the 18th century. Author's abstract of diss. PhD in Art History: 17.00.02]*. Novosibirsk, 2012. 23 p. (In Russ.).
12. О пребывании в Кузнецком и Мариинском округах А. Ф. Беспамятовой и П. Пятаковича [About staying in the Kuznetsk and Mariinsky districts A.F. Беспамятова and P. Пятакович]. *Novokuznetskiy filial Gosudarstvennogo arkhiva Kemerovskoy oblasti [Novokuznetsk Branch of the State Archives of Kemerovo Region]*, F. R-137, Op. 1, D. 248, L. 3. (In Russ.).

13. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1887, no. 17, January 20. (In Russ.).
14. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1896, no. 16. (In Russ.).
15. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1897, no. 18, January 23. (In Russ.).
16. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1898, no. 195, August 30. (In Russ.).
17. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1899, no. 129. (In Russ.).
18. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1899, no. 47, February 1. (In Russ.).
19. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1899, no. 56. (In Russ.).
20. *Sibirskiy vestnik [Siberian Herald]*, 1899, no. 94. (In Russ.).
21. Fomin V.P. *Muzikal'naya zhizn' kak problema teoreticheskogo muzykoznanija: avtoref. dis. kand. iskusstvovedeniya: 17.00.02 [Musical life as a theoretical problem of musicology. Author's abstract of diss. PhD in Art History: 17.00.02]*. Moscow, 1977. 22 p. (In Russ.).
22. Yudina V. I. *Muzikal'naya kul'tura rossiyskoy provintsii (ot zarozhdeniya do nachala XX veka): avtoref. dis. kand. kul'turologii: 24.00.01 [Musical culture in the Russian provinces (from inception until the beginning of the 20th century). Author's abstract of diss. PhD in Culturology: 17.00.02]*. St. Petersburg., 2013. 48 p. (In Russ.).

УДК 78

**МУЗЫКА ДЛЯ СПОСОБНЫХ ИГРАТЬ ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ:
«ПАРАФРАЗЫ» А. П. БОРОДИНА, Ц. А. КЮИ, А. К. ЛЯДОВА,
Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА И ИХ ОРКЕСТРОВАЯ ВЕРСИЯ
В ИНСТРУМЕНТОВКЕ Н. Н. ЧЕРЕПНИНА**

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: lesovichenko@mail.ru

Шефова Елена Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкальной подготовки и социокультурных проектов, институт культуры и искусства, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского (г. Липецк, РФ). E-mail: shefova_e@mail.ru

Интересную область композиторского наследия Бородина, Кюи, Лядова и Римского-Корсакова составляют коллективные сочинения. В статье дается характеристика «Парафразам» – единственному в истории музыки собранию фортепианных пьес, состоящему из двадцати четырех вариаций и пятнадцати разножанровых номеров на неизменяемую детскую тему «Та-ти, та-ти». «Парафразы» являются не формальным соединением вариаций, а целостным концертным произведением, созданным на основе совместной работы четырех выдающихся русских музыкантов.

На титульном листе «Парафраз» обозначен адресат: «Посвящается маленьким пианистам, способным сыграть тему одним пальцем каждой руки». Бородин с юмором играл эти пьесы «с людьми, не умеющими играть на фортепиано».

Между тем может показаться, что цикл написан в духе музыкальных забав и состоит из одних пьес-шуток. Однако это формальная сторона вопроса. Очевидно, свободная форма «Парафраз», в особенности вариаций, открывала возможность практического применения – средств музыкального языка, созданных кучкистами, услышать тему в новых жанровых и стилистических условиях.

Была ли совместная работа простым увлечением, «шуткой гениев», а если нет – то в чем причины написания такого необычного во всех смыслах произведения? Эти и другие вопросы предстоит выяснить в данной статье.

Ключевые слова: детская музыка, вариации, жанры, цикл, инструментовка, композиторская техника.